

Владимир Андерсон

Четыре лица

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Андерсон

Четыре лица

«Автор»

2024

Андерсон В.

Четыре лица / В. Андерсон — «Автор», 2024

Ксандр, талантливый полководец и сын сенатора Республики Кресси. Его страна развивается путем выстраивания торговых отношений с соседями и находится в весьма безопасном положении, но ему не дает покоя недавний конфликт внутри соседней страны, называемой Соколов Удар. Чутье подсказывает ему, что дело не закончится лишь внутренними разборками, а мятежные регионы, объявившие себя независимыми, заручились поддержкой давних врагов Республики Кресси — Тайфанского Союза. Тем более, что новые слухи говорят о том, что в Тайфе маги вышли на новый уровень, достигнув способности дурманить сознание людей не единичными случаями, а массово.***Маги, способные управлять массовым сознанием. Драконы, раздающие пророческие советы. Лорды, заботящиеся о репутации своих избирателей... Это что-то новое в жанре фэнтези!

© Андерсон В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Ксандр	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Андерсон

Четыре лица

Пролог

Бывают моря синие, бывают зелёные, а бывают сине-коричневые. В волнах такого моря песок так сильно разгоняется волнами со дна, что начинает мешаться с водой бесконечной россыпью, окрашивая всё в коричневый цвет. Именно таким было Жёлтое море, начинающееся с пролива Бивень Слона и проходящее до острова Кальмар.

– Хоть бы мне показалось... – думал Густав, капитан «леди Твинс», поглядывая в окно своей каюты. Вдалеке, на самом краю горизонта, виднелся корабль с чёрным парусом и изображением «волчьего крюка» посередине, что говорило о том, что это судно принадлежит Тайфанскому Союзу. Одно судно не представляло для него серьёзной угрозы, но ему показалось, что за этим кораблём скрывается ещё один.

Густав давно был вне политики, и разборки сильнейших держав его совершенно не интересовали. Но он был глубоко религиозным человеком, и драконье послание, которое сейчас было запечатано у него в бутылке, он считал божественным даром – вещью, которую необходимо было во что бы то ни стало вручить её обладателю. Эрику Глиссону, сенатору Республики Кресси, очень влиятельному человеку в мировой политике, за свою жизнь решившему мирным путём не один тяжёлый конфликт.

Капитан вышел из каюты и обратился к старшему помощнику, стоявшему сейчас на капитанском мостике:

– Сколько их там? Сколько тайфанцев?

– Скорее, два корабля, чем один. А, может, и три. Они связкой идут и похоже, что на мази.

«На мази» называли живой двигатель из стаи морских рыб, на которых накладывали заклинание, заставляющее их тянуть за собой корабли в нужном направлении. Так можно было сцеплять друг с другом суда вслед за ведущим и достигать скорости под 30 узлов для всей колонны. Побочным эффектом этого способа управления живностью был тот факт, что рыбы после истечения сроков заклинания начинали звереть и набрасывались буквально на всё, что их окружало, поэтому головной корабль обычно был намного крупнее и мощнее, чем остальные. Находились и виртуозы, которые подгадывали, когда рыбий двигатель начнёт сходить с ума и натравливали его на вражеский корабль.

Густав поднялся на капитанский мостик и взглянул оттуда ещё раз в подзорную трубу – да, вероятнее всего идут на мази, и теперь уж не так и важно, сколько их там, два или три. Теперь единственное, на что надеяться, так это на то, чтоб уйти от них.

– Переходим на боевую скорость. Может, их рыбы выдохнутся быстрее наших гребцов. – скомандовал капитан, и после дубляжа её старпомом барабанный регулировочный бой ускорился раза в два... Когда вся команда начинает грести, что есть сил, то складывается впечатление, что корабль таким темпом скоро развалится. У него начинает всё стучать и греметь со всех сторон, порой где-то что-то падает с треском, отовсюду раздаются разные возгласы, и при всём при этом сохраняется какой-то дьявольский ритм единого порыва,двигающего корабль вперёд. Страшнее этого было только идти на таран, что Густаву приходилось лишь однажды. Тогда он подумал, что потопили его – так гроыхнуло в ушах. Но повезло ему, и с тех пор он зарёкся держаться подальше от мест погорячее. Кто ж знал, что в мирное время обычный торговый маршрут окажется столь опасным.

Хотя нет. Густав тут же одёрнул себя сам. Его ведь предупреждали, что в его команде предатель, и, возможно, не один. Что точно есть такое. Что не получится ему перехитрить

тех людей, что так охотились за драконьими посланиями... Только вот кто же знал, что этими охотниками окажутся тайфанцы да на таких скоростях...

С другой стороны, не зря он отдавал дежурства за главной мачтой и рулевым управлением своим самым доверенным людям. И, очевидно, что только благодаря этому сейчас, при виде этой вереницы кораблей с чёрными парусами, внезапно ничего не сломалось.

Вместе с тем колонна всё приближалась. Уже совсем не так быстро, как раньше, но приближалась. И уже спустя пару десятков минут стали отчётливо видны тяжёлые канаты, уходящие с носа головного корабля в море. Зрелище адское – видеть, что нечто человеческое увлекается за собой неведомым находящимся под водой, при этом ещё и управляемое людским умыслом... А ведь это ещё и тайфанцы... Те, кто славится своими изобретениями по части пыток и изуверских истязаний пленённых ими людей.

Густав мигом подумал над тем, что, если чары мага на подводный двигатель в ближайшие несколько минут не иссякнут, то он бросится напрямик в каюту, чтобы избавиться от драконьей бутылки – уж как минимум выкинуть в море. А ещё лучше – вскрыть перед этим горлышко. Так уж тайна никому не достанется. Оно и всем легче будет – можно будет честно об этом сказать, когда возьмут в плен. Хотя, конечно, условия содержания это ничем не улучшит.

– Таранный ход! – скомандовал Густав. Это команда крайней скорости, какую только может развить его команда, но в таком ритме, они не протянут и пяти минут. Особенно после того, что уже выпало на их долю.

Барабанный бой стал бить не только чаще, но и сильнее. Теперь казалось, что судно взлетит на воздух. Оно стало скакать по волнам из стороны в сторону, и в какой-то момент показалось, что они даже отрываются от погони... Но стоило только стать этому очевидным, как преследователи сами прибавили ходу – видимо, теперь и они перешли на ускоренный марш... И в этот момент стала показываться вся колонна, как оказалось, состоящая из пяти кораблей.

При всём грохоте, который стоял везде попеременно с криками командиров и команды, Густав отчётливо слышал какой-то странный треск со стороны кормы, словно разбилось какое-то стекло... Там был целый ряд витражных окон, выходящих из его каюты. И в какой-то момент он даже забеспокоился, что ему дорого обойдётся этот ремонт – а всё, потому что у него на мгновение до этого было ощущение, что спасение всё же есть.

– Да какой там к чертям ремонт... Нет тут шансов у нас никаких. – махнул на всё Густав, уже подумывая над тем, как будет сдаваться и что будет потом рассказывать в своё оправдание. Что не сразу понял, кто это. Что боялся, что его привлекут потом свои же за добровольную сдачу судна. Что за такое у них дома полагается смертная казнь. И всё в этом роде... Прекрасно понимая, что издевательств со стороны тайфанцев ему всё равно не миновать.

– Суши вёсла. Выбросить белый флаг... – скомандовал капитан и спустился с капитанского мостика к своей каюте. Стоило открыть дверь, как он тут же увидел ковыряющегося в его главном сундуке моряка, бывавшего вместе с ним в немалой доле передраг. Зефран... Ведь столько раз выручал его, а оказалось, что так легко может предать. И ведь не подумаешь на него ни разу... Можно было больше половины команды сменить, но его бы он оставил. Оставил бы потому что с ним пережили кучу дерьма, и остались живы. И на таран-то он тоже тогда ходил... А теперь вон взломал кормовое окно, да полез копать по чужим вещам... Тоже ведь не с проста. Знал, что самое ценное сейчас просто выкинул, чтоб не досталось никому.

– Какой же ты крысой оказался... – негромко сказал Густав. Он уже было думал броситься на него, погромсать на куски, а потом сбросить его труп за борт вместе с драконьей бутылкой, да вот только хорошо были в памяти умение Зефрана швырять других с одной стороны палубы на другую. Была у них такая игра у матросов – вставал один в центр, а остальные старались его сцепить и на руки поднять. С Зефраном это выходило очень не скоро – только что и раскидывал он всех по краям одним умелым движением, изворачиваясь корпусом из стороны в сторону как при штормовой качке... На палубе он был как у себя дома, цепляясь за

неё, словно паук за стенки, а если надо было двигаться быстро, то он и носился как угорелый. Такие люди всегда бывают предметом гордости капитана, пока не дойдёт до чего-то вот такого.

– Не крысой, а запасливым человеком. Который о старости позаботится. – не смотря на командира, ответил Зефран и как раз в этот момент нащупал в сундуке искомое. Он достал бутылку и повертел перед собой – узкая зелёная бутылка с бронзовым горлышком.

– А Вы нам не говорили, господин капитан, что такие ценности имеются. И мне вот чужим людям на слово верить пришлось... Представляете, как я переживал, что ошибусь... Как ночами не спал. Даже вон не стал рули портить, чтоб на меня не подумали. А так бы всё много проще было... Но, оказывается, стоило оно того... Послание самого дракона. Да какого дракона... – Зефран буквально смаковал каждое слово. И в каждое это слово было буквально пронизано некогда скрываемой ненавистью и презрением. Удивительно только, как некоторые люди могут терпеть и дожидаться своего момента, при этом отчаянно ненавидя кого-то.

– Ты, крыса, в драконах ещё разбираешься! – Густав шагнул вперёд, доставая меч из ножен. Хоть на дистанции порубить, может, его получится. В каюте места не так много, да ещё стол немаленький посередине – того глядишь, и не успеет увернуться.

– А чего ты кипишешь так? Всё равно ж белый флаг только что приказал выкинуть. Всё ж ведь и так надо будет отдать, что тайфаны ни попросят. Расслабься ты... – спокойно отвечал Зефран, пристроив бутылку к своему левому боку и освободив при этом правую руку.

– Положи бутылку и ляг на пол. Повторять не буду. – грозно сказал Густав, но в этот же момент лицо Зефрана резко скривилось, и он, повернув в локте свою правую руку, направил её перед собой и слегка дёрнул при этом кистью. Из-под рукава вылетела короткая стрела и попала Густаву прямо в живот – это было столь же болезненно, сколь и неожиданно, и он моментом повалился на пол, выронив меч.

– Нет, не будешь повторять... – довольно сказал Зефран, как раз в тот момент, когда раздался небольшой толчок, очевидно означавший, что абордаж судна успешно состоялся... Матрос улыбнулся и довольный собой быстро вышел из каюты, аккуратно перескочив валявшегося на полу капитана.

Густав лежал и не хотел верить, что ещё каких-то полчаса назад у него были все возможности для того, чтобы выкинуть эту бутылку в море. Раскрыв перед этим, или нет. Теперь ему казалось всё это такой мелочью. Совершеннейшей мелочью по сравнению с тем, что она попадёт в руки тайфанцев. Почему это не казалось таковым ему раньше? Почему он так боялся истратить понапрасну совет дракона? Может, был какой-то особый смысл в этом? Может, боги на самом-то деле хотели, чтобы этот артефакт попал тайфанцам в руки?

Кто-то сильно пнул его в спину.

– Неужели это Густав? – слегка протяжно и издевательски сказал чей-то голос, а затем владелец этого голоса перешагнул через него и встал напротив. Не даром голос показался знакомым – этого человека знали по всем краям и Жёлтого моря и всех морей, что его окружали. Аксель «Белый череп», так его звали. Он не служил Тайфанскому Союзу напрямую, а номинально лишь в качестве вольного наёмника со своими подразделениями «черепов». И хотя все прекрасно знали, что подчиняются они напрямую царю Тайфы, словно цепные псы, никакие международные принципы фактически их не касались, что способствовало небывалом жестокости и кровожадности... К своему несчастью, Густав осознал, что наличие белых черепов во всём этом деле означает только то, что дело для царя Тайфы было сугубо личное, а значит послание дракона ни в коем случае не должно было попасть к ним в руки. Вместе с тем, пропало и полное желание пытаться оправдаться, чтобы как-то смягчить себе наказание, ведь всё равно из этого ничего не выйдет.

– Раз ты так рад меня видеть, то окажешь мне услугу и убьёшь меня? – спросил Густав, внутри себя и не рассчитывая на быструю смерть. Но если смерть будет и не быстрой, то хоть точно уж будет.

– Да нет, ну что я? Зверь какой? – улыбнулся Аксель и швырнул к ногам Густава какую-то побрякушку. – Ты будешь жить живее всех живых... Особенно после того, как станешь на нас работать...

И стоило только взглянуть на тот скромный предмет, валяющийся теперь рядом с ним на полу, как его пронзил необъятный ужас – это был кулон, подаренный им неделю назад собственной дочери.

Ксандр

Это была самая высокая башня крепости Форсайдс, называемой в народе Кром. Не самая мощная, не самая обороняемая, но самая высокая. К северу от неё располагался на небольшом возвышении донжон, а к югу чередой городской стены и рядовых башен, идущих вдоль Кальмарского пролива.

– А красиво всё же в той стороне... – сказал вслух Ксандр. Вот уже полтора часа, как он глядел на восток, где через пролив располагались земли соколовчан. Вот уже 7 лет как прошло с того времени, как в одной из провинций Соколова Удара произошла диверсия, затем восстание местных жителей, которое стали подавлять не слишком активно. И, вскоре, об этом сильно пожалели, потому что бунтующие жители захотели отделиться, и даже провозгласили собственное королевство, назвав его «Красная Гора». Завязалась была война, но посредничество сильнейших держав придержало стороны от кровопролития, и была достигнута договорённость о том, что Красная гора получит особый статус, с правами широкой автономии, но не будет при этом выходить из состава Соколиного Удара.

Всё бы ничего, но все достигнутые договорённости вот уже как 7 лет никуда не двигались. И правители Красной Горы не спешили разоружаться и пускать на свою территорию представителей центральных властей, и канцлер Соколова Удара не торопился открывать доступ жителям Красной Горы ко всем ресурсам, что у него имелись. Возникла патовая ситуация, которую решать никто не хотел, и, что самое главное, она устраивала всех, кто принимал посредничество при заключении этих соглашений.

За те полтора часа, что Ксандр просидел на вершине Тихой башни, он заметил всего два корабля, двигавшихся в сторону порта, что было донельзя мало – обычно таковых кораблей насчитывалось больше двух десятков. Ему не хотелось думать о том, что торговля с Соколиным Ударом идёт на спад, но в том же время он прекрасно знал, что со временем они спрашивали одно только оружие: разного рода топоры, мечи, арбалеты, а особенно их интересовали осадные орудия требующе и мангонель, которые царство Кресси не торопилось им продавать.

Он сам хорошо знал, на что способна мангонель. Её заряжали бочкой, начинённой нефтяными маслами, а на дно прокладывали порохом, и при ударе об землю происходил взрыв, разбрасывающий подожжённую субстанцию во все стороны. И в открытом пространстве такой заряд вполне мог убить и ранить до сотни человек, а если выстрел приходился на какой-то объект, будь то корабль или дом, то погибнуть могли все, кто в этот момент оказывался внутри. Ксандр видел нечто подобное, когда лично принимал участие в операции против подкальмарских пиратов, пытавшихся терроризировать торговцев к югу от самого Кальмара. Тогда одна из бочек, пущенных по вражескому флоту, попала прямо в флагманскую трирему, отчего в считанные минуты там разгорелся такой пожар, что не все даже успели попрыгать с него в воду. И крики, поглощаемых пламенем моряков, потом ещё долго раздавались у Ксандра в ушах.

Кто-то говорил, что надо продавать Соколову Удару всё, что ни попросят. Что это, в целом, союзники. Что у Кресси и так достаточно врагов. Что плохого в этом ничего не будет, это только повысит безопасность этого региона. Но в Сенате было достаточно лиц, которые говорили о том, что не хотят спонсировать никакую войну, что стоит продавать лишь ограничено, что столько тяжёлое вооружение может привести к чему-то непоправимому, и что вообще вся эта торговля оружием не очень хорошо выглядит для некоторых стран по другую границу Соколова Удара.

И пока шли все эти споры, то весь результат, который выходил, так это полное падение торговли – в Соколином Ударе начинали складировать в надежде на будущие удачные обмены своих товаров на оружие, а с нашей стороны только и делали, что ждали, пока ситуация с Красной Горой хоть насколько-то станет предсказуемой.

Ксандр услышал шаги кого-то, кто с тяжёлой одышкой поднимался по ступенькам к нему. Самая верхотура башни была по сути пятым этажом, и кроме восьми застеклённых окошек в разные стороны с приставленными к ним лавками и лестничного проёма посередине, здесь больше ничего не было.

Из проёма показалась голова его помощника Фредерика, немного полненького, борода-тенького, а от того весьма позитивно и мило выглядящего человека:

– Ксандр... Сюрприз для тебя.

– Что там? Талый мёд что ли подвезли?

– Нет. Языка... Из Красной Горы. Ты любишь с такими беседовать... Его соколовцы, говорит, взяли, конвоировали, он сбежал... А получилось, что к нам.

С виду казалась уже очень интересная история. Где мы, где Красная Гора. Как так надо сбежать от соколовцев, чтобы в итоге попасть к нам?

– Иду. – ответил Ксандр и, посмотрев ещё раз на горизонт, пошёл вниз.

– Хедвиг... Честно, у меня других имён не было. Хедвиг... – говорил паренёк. С виду он был достаточно молод, но Ксандр уже видел несколько раз человек, которые были моложе своего возраста лет на пятнадцать, и этот был как раз похож на одного из них.

Ксандр присел к нему поближе, на расстояние вытянутой руки, и сказал:

– А почему так делаешь на этом акцент? Мы ж разве сказали, что тебе не верим?

– Я уже знаю, как допрашивают. Меня соколовцы допрашивали. По 5 раз одно и то же... Я говорю «Хедвиг», а они мне «Как еще? Как ещё?». Я только Хедвиг. Нет у меня других имён.

– А ты сам откуда?

– Широкий узел.

– Это то есть рядом с Красной Горой, но всё же не там ещё. Всё же ещё в Соколином Ударе... И за что ж тебя соколовцы допрашивали? Обвиняли в чём?

– Да, говорили, я Красной Горе докладывал. Письма отправлял... У Вас это там в делах есть, которые при мне были. Там всё выдуманно. Всё, в чём обвиняли... Свалил на меня кто-то.

– А что там, по их мнению, в письмах-то было? Что ты там такого мог написать?

– Позиции. Говорили, что я типа позиции наших сдаю. Про соседние сёла, кто там-где сидит. Чьи знамёна. Вот это говорят. Как будто от меня.

– А как это понять? От тебя или не от тебя, если это письма? Что ж их подписывали там?

– Почерк. Они говорят, почерк твой... А это не мой. Я так давно не пишу... Там буквы «у» и «д» не как у меня... Я так давно не пишу. Не мои это буквы... Кто-то делал вид, что это я, а это не мои буквы.

– То есть зря они тебя поймали значит. А чего убежал?

– Так не хочу я там больше быть. Уже давно не хочу. И им так сказал. Чтоб обменяли меня... Вы тоже можете обменять...

– Ну мы-то с Красной Горой не договариваемся.

– А с Красной Горой и не надо... С Тайфой надо.

– С Тайфой? Это с чего бы тайфанцам тебя на кого-то обменивать?

– У меня там брат живёт. И племянники... Я вообще к ним хотел переехать. Ещё из Соколова Удара. Не успел только. Мать умерла, вот я остался... А так бы давно уехал.

В этот момент к Ксандру склонился стоявший рядом Фредерик:

– Перекинуться бы словечком на минутку...

Это и сам Ксандр хотел предложить. Уж слишком странно допрашиваемый себя вёл. Странно говорил, странно думал. И с виду всё складно, а всё не хочет вязаться одно к другому. Да ещё и про Тайфанский Союз говорить начал... Ходили слухи, и не мало, что этим ребятам очень выгодно было то, что начало происходить на Красной Горе, что и к себе они эту терри-

торию-то поджечь хотели. Да вот только слухи одни да догадки. И тут вон хоть какая ниточка начала вести.

– Он же шитик, чёрт бы его. – сказал Фредерик, стоило им выйти за дверь.

«Шитиками» или «зашитыми» называли тех, кого заколдовал маг. И проявлялось это в одурманивании мыслей, разорванном сознании, когда человек начинал во что-то верить непоколебимо, при этом разные вещи могли укладываться в его голове одновременно даже при наличии очевидных противоречий друг с другом. Подобная практика была запрещена на международном уровне, но некоторые страны её активно использовали, правда, пока доказать это было нельзя. Ходили слухи, что если начать кого-то «расшивать», то объект просто покончит с собой на каком-то этапе. Потому ни доказать, ни разузнать толком ничего было нельзя.

– Ну это я тоже так подумал... – ответил Ксандр. – Да вот экзорцисты из нас такие, что глядишь и сами им заколдуемся... Про Тайфу что думаешь?

– Срань это – вот, что я думаю... Про них все говорят. И если окажется, что они правда там кого-то зашивают, так нам пол-Сената начнёт орать, что мы ситуацию дестабилизируем. И я не для того тебя попросил выйти, чтоб ребусы эти разгадывать... Ксандр. Оставь его... Не надо нам этой чертовщины. Уж если он так свистит, что его обменяют, так давай обменяем, и дело с концом.

– А если нет? Много там тайфанцы на обмен идут? Тем более он мелкая сошка. Стучал там на своих и не более... Да и, знаешь. Как-то скучно мне... – Ксандр отвернулся и уже взялся за ручку двери, но Фредерик его остановил:

– Ксандр, не стоит это того! Потом ведь жалеть будешь, что в это полез. Не наше это дело.

Ксандр только улыбнулся в ответ и, открыв дверь, зашёл внутрь и устроился на своё прежнее место. Помещение, в котором происходил допрос, было маленькой комнаткой в центральной башне внутреннего периметра, называемой «Квадрат», просто потому что стороны её все были одинаковы у основания. При этом в высоту она была больше соседних в полтора раза. Такие объёмы позволяли уместить в ней несколько ярусов, на каждом из которых располагались комнаты для допросов, камеры заключения и всё, что с этим связано.

– Значит так, Людвиг. – начал было Ксандр, но допрашиваемый тут же его прервал:

– Хедвиг! Меня зовут Хелвиг!

– Как? Ты же только что мне сказал, что Людвиг... Стоит выйти на минутку, а всё сразу меняется...

– Хедвиг!!! Я за правду! Я сразу сказал, что меня зовут Хедвиг!

– За какую ты правду?

– Соколовцы убивали там своих. Они всё начали. Они начали убивать своих же на Красной горе. А всё потому что поклоняются Бахусу. Всё дело в этом. За нами добро. Потому они хотели всё уничтожить. Мы последний оплот правды и мира на этой грешной земле...

– Так значит соколовцы поклоняются Бахусу? А откуда ты это взял? Сам видел?

– Все так говорят. Все на Красной Горе так говорят. Там врать не будут... Они там сами видели, как соколовцы по домам ходят и детей отбирают.

– А ты сам что видел?

– Я?... Вы правда не понимаете?! Они же поклоняются Бахусу, а детей своих продают. И захотели и детей Красной Горы продавать... А люди против. Потому что знают, что нами добро.

– За кем за нами?

– За нами! За Тайфой... Там такого нет. Там хотят мира. Там добро. – глаза Хедвига к этому моменту покраснели, а руки начали трястись. При этом голос звучал достаточно живо и членораздельно. Выглядело так, будто он репетировал эти фразы множество раз, и сейчас был в состоянии их столь звонко произносить именно по этой причине.

– Знаешь вот что... Не верю как-то я тебе...

– Да ты что тупой?! Тебя землю за это заставить жрать, которая тебя кормит! – Хедвиг поднялся с места, но цепь, державшая его за лодыжку, не пустила дальше. Он начал махать перед собой руками, пытаясь достать Ксандра, но даже невооружённым глазом было видно, что расстояние через стол для этого слишком большое. При том всё продолжал пытаться дотянуться, словно его руки со временем могли стать длиннее. – Выродки! Вы все здесь выродки!!! Вас всех надо уничтожить! Все ваши дома и всех ваших детей! Выжечь всю нечисть!

– Уничтожить наши дома и детей? И после этого ты говоришь, что соколовцы поклоняются Бахусу? А вы не поклоняетесь?

– Мы свет! Мы добро! Единственный свет, что остался!

– Как-то не вяжется твоя концепция всё уничтожить с добром...

Хедвиг продолжал ещё что-то кричать про то, что это единственный выбор, про то, что приходит время, когда по-другому же нельзя. Когда все шансы и возможности исчерпаны. Когда надо действовать жёстко. И добро должно так действовать, иначе будет уничтожено. А Ксандр вышел из помещения вместе с Фредериком.

– Вот ничего ж нового не узнали... К чему вот это всё было? – спросил Фредерик, стоило захлопнуться двери.

– Заклинание-то не слабое. Ты видел, как далеко он пошёл в своих рассуждениях?

– Видел. Только вот толку нам с этих рассуждений... Мы держава мирная. Торговлей занимаемся. А вот это осиное гнездо ворошить... Только вроде всё успокоилось...

– Если ты думаешь, что получишь местечко поспокойней, где сможешь отсиживаться – то нет. – Ксандр сказал это как-то воодушевлённо и улыбаясь. – Спокойного местечка в скором времени больше не будет.

Ксандр был сыном сенатора и одним из лучших полководцев Республики Кресси. Иногда ему доводилось и договариваться о чём-то весьма щепетильном, исполняя, по сути, роль дипломата, и тогда ему было не очень понятно, зачем отец подкидывает ему такие задачи. Но со временем, когда жизненного опыта прибавилось, ему стало очевидно, что умение распознавать мысли других пригодятся на поле боя не меньше, чем в переговорном шатре. В те моменты ему казалось, что ничего гнуснее и омерзительней, чем о чём-то договариваться с врагами, просто нет на всём свете, но когда он первый раз увидел, что переговоры в итоге предотвратили настоящую войну, то первые же мысли были о том, что он смог уберечь не одну когорту своих бойцов.

Это тоже было немного заразительно. С течением времени, с постепенным обретением власти люди начинали мысленно присваивать себе что-то государственное. И те три легиона, которые были в подчинении Ксандра последние 4 года осмысливались им, как его собственные.

При этом отец ему несколько раз твердил, что не человек должен привязываться к месту, а место к человеку. Что это без него не должны быть способны решать разного рода вопросы. А не он должен переживать из-за отсутствия у себя этого места. Место должно зависеть от него. Место должно бояться его потерять. Место должно пострадать от его ухода. Только так, и никак по-другому... И всё равно. Ксандр очень привязался к своим трём легионам бойцов. Он просто не мог себе представить, что не будет командовать всеми этими людьми. Что ими будет командовать кто-то другой. Кто-то другой будет строить платы и отдавать им приказы... И сейчас, когда он смотрел в глаза своего отца, то все мысли были только об этом – в очередной раз он не хочет прислушиваться к его словам, в очередной раз, он хочет проходить этот путь самостоятельно. С потерями и горечью со временем понимая, что был не прав.

– У тебя ещё есть время подумать. Хотя и немного, но есть. – сказал Эрик. Он предлагал сыну занять вскоре освобождающееся место сенатора. Для этого надо было отказаться от всех полномочий военачальника, выдвинуть свою кандидатуру на избрание, а затем ожидаемо победить в выборах.

– Да провалю я эти выборы. Какой из меня политик? – Ксандр не хотел говорить напрямую, что не хочет. Хотя и ему, и его отцу было понятно, в чём дело на самом деле. Но говорить при этом он всё равно не хотел. Пусть уж лучше он будет бестолковым воякой, чем почётным политиком.

– Такой же, какой и из меня... И если бы я не был уверен в победе, то не стал бы выдвигать тебя... Это для тебя это стало бы простым поражением, а для меня это было бы ударом по репутации в партии... Той самой партии, который и ты служишь как военный.

– Отец, я служу Республике.

– Ты правда решил корчить из себя тупого вояку? Это ты мог позволить себе в 25 или даже 30 лет. А вот в 37 – это уже не солидно выглядит... Тем более, что многие ещё помнят твои победы на поле боя, которые были достигнуты явно головой, а не грубой силой. Неужели ты думаешь, что людей так просто обмануть?

Ксандра иногда доканывала эта манера что-то доказывать, используя в буквальном смысле голову оппонента. В данном случае он, очевидно, использовал регулярную фразу Ксандра о том, что народ можно обманывать сколько угодно и как угодно. И что вообще народ за это будет благодарен. Такое Ксандр любил говорить в узких кругах, но не публично, просто потому что знал, что подобное может обидеть, как его воинов, так и избирателей его отца... Но при этом те победы, которые отец имел в виду действительно были просчитаны досконально, а потом также досконально как по нотам сыграны. Битва у Лунной заводи и битва на солёном мосту. В первом случае он заманил противника к берегу, чтобы можно было использовать мангонели с рядом стоявшей флотилии, во втором случае те же мангонели он использовал при попытке противника перейти на другую сторону реки. В обоих боестолкновениях он сделал всё, чтобы свой ход враг считал удачным стечением обстоятельств, которое нельзя упустить, в реально же подготовив искусные ловушки.

– Я не хочу, чтобы мы были похожи на каких-нибудь Йенсенов.

– А чем они тебе не нравятся? Ты считаешь, у них мало влияния?

– Я не знаю, сколько у них влияния. Но для людей они посмешище. Их расценивают, как каких-то пешек, которые выполняют чужие указания. Проводят в жизнь законы, которые сами не знают, в чём заключаются. Которые не читают даже перед тем, как предлагать на рассмотрение. Утверждают, что это правильно, а сами даже не знают, что это вообще за такое слово «правильно». – Ксандр говорил это всё и вспоминал мать Лизу Йенсен и её дочь Кейт Йенсен, которые теперь уже обе были сенаторами, и постоянно выступали за ужесточение каких-то миграционных правил: сначала придумали квоты на разные направления, затем экзамены на знание истории, затем медицинские анализы. В массах говорили, что они просто отработывают хлеб своих избирателей, но это не вязалось с тем фактом, что район, от которого они избирались вообще не имел проблем с мигрантами ни в каком виде – ни у каких мигрантов просто не было денег селиться в столько престижных местах. Зато вот версия про то, что у них есть какой-то покровитель в Правительственном Совете, выглядела куда более убедительной. В любом случае видимая династическая линия поведения в политике для Ксандра выглядела как какая-то профанация политической деятельности как таковой. Хотя какая профанация? Сами политики уже профанация.

– Вначале – да... Но в жизни всё не так просто, как кажется на первый взгляд. И когда какой-то процесс начинает работать, то это не знает, что он будет работать именно так всегда... Он обязательно будет меняться. И если говорить про Йенсенов, то да. Безусловно, раньше они выполняли политические заказы. Им скидывали, что говорить и когда говорить. И они говорили. Но прошло время, и они стали частью системы до такой степени, что даже тот, кто спускал им решения сверху, уже так просто не сможет их остановить. Ведь вся государственная машина, уже работает в этом направлении. Вектор уже задан. Ни они сами, ни их крыша не могут затормозить это движение. И тенденции по ужесточению миграции будут расти и дальше,

уже теперь потому что остановить их нельзя. Но нельзя упускать из виду один очень тонкий момент всего этого... Скорость, с которой будет двигаться этот процесс, определять будут именно Йенсены, потому что они являются главной публичной фигурой этого процесса. А вот это уже реальная власть... И если раньше они были, как ты их назвал «посмешищем», то теперь смешным это уже не выглядит.

Отец иногда поражал своими мыслями. И ещё поражало, почему он до сих пор является всего лишь сенатором, не возглавляя при этом никакой комитет при Сенате. Его умение пронзать своим вниманием процесс насквозь было поистине уникальным. Он умел видеть такие вещи и в такой перспективе, в какой большинство людей даже не догадались бы обозреть и на йоту. При этом соглашаться сейчас с ним не хотелось. Вся эта политика – чертовски грязное дело.

– Видишь, отец. Не моё это... Хотя, может, у меня там и со смыслом, а всего лишь топором да мечом махать можно. – ответил Ксандр и собирался уже повернуться к выходу, но Эрик остановил его.

– А что ты такого хотел услышать от того перебежчика с Красной Горы? Ты ведь понял, что он шитик.

– Меня до сих пор удивляет, как тебе все ловко доносят... – Ксандр удручённо покачал головой. – Надеюсь, хоть не Фредерик...

– Нет, не Фредерик... Настолько близких людей лучше на доносы не цеплять. Когда-нибудь поймёшь почему.

– Потому что ставки на них слишком большие ставят. Вот почему.

– Видишь, как хорошо... – Эрик улыбнулся, очевидно приветствуя правильный ход мысли своего сына. – Уже какие важные моменты понимаешь... Так что ты хотел услышать от шитика?

– Я сам не знал, когда начинал говорить... Хотел понять, насколько всё плохо что ли...

– И как оно? Всё плохо, судя по его словам?

– Пахнет новой войной...

– Войной всегда пахнет. И новой. И старой... Только дураки не чуют запах войны.

– Так тем более тогда, почему мы не допрашиваем тех, кто может выдать нам хоть сколько новой информации?

– Мы не допрашиваем, потому что у нас есть голова на плечах, а не пивной чан! – голос Эрика на этой фразе звучал достаточно грозно, хоть и не громче обычного. И без его пояснений было понятно, что стратегическое мышление и расчёт чужих планов может дать куда больше, чем чьи-то слова об этих планах. Можно скрыть факты, но никогда не получится скрыть намерения. Намерения буквально витают в воздухе у всех на виду. Намерения – это выгода. А она всегда на поверхности – нужно только правильно уметь её высчитать. Именно этому Эрик всегда учил своего сына.

– У меня нет твоей головы на плечах, отец. – спокойно ответил Ксандр. – Пожалуй, я пойду.

– Иди, главное, не в допросную.

Ксандр пошёл в харчевню. Не в ту, что была внутри Крома, а подальше. На третью линию городских стен – ему хотелось послушать, что думают люди попроще. Что у них на языке сейчас. И насколько это их устраивает.

«Кальмарский витязь» был не очень известным кабаком, но главным его отличием было то, что там собирались люди совершенно из разных слоёв общества, с абсолютно разным прошлым и настоящим, и при этом всем гарантировалась равная степень безопасности. Ни драк, ни оскорблений, ни даже намёков на что-то в этом роде. За подобными вещами там очень следили, и в случае лёгкого нарушения выдавали предупреждение. Два предупреждения – и

в заведение больше не попадёшь. Больше не сможешь насладиться местом, где есть неприкосновенность хоть в каком-то виде.

Основной зал был достаточно большой, мест на полтысячи. Под высоким потолком располагалась огромная люстра на сотни свечей, озарявшая своим сиянием всё вокруг. Свечи на ней постепенно меняли, используя длинный шест с крюком на конце – раньше это было дорогим удовольствием, но с того момента, как придумали использовать китовый ус, технология резко удешевилась, и освещать по ночам стали не только в господских домах, но и во многих увеселительных заведениях. В тот момент в «Кальмарском витязе» и додумались подвесить люстру, да расширить деятельность на время после заката – вышло очень прибыльно. И теперь даже после 11 вечера гостей было до отказа.

Ксандр прошёл к дальней стороне помещения, где чуть на возвышении располагались несколько столов, сидя за которыми можно было хорошо обозревать всё вокруг. Там его уже ждали двое бойцов, заранее занявшие места и присмотревшие уже несколько человек для беседы.

– Есть два купца, оба весьма образованные. Не сомневаюсь, что Вы сможете не только узнать, но и о чём-то договориться с ними. – сказал Оскар, один из двоих бойцов, когда Ксандр уселся на своё место. – Но один персонаж сегодня весьма колоритный. Наёмник из Тайфы. Вы ведь хотели побольше знать о Тайфе?

– Где он? – тут же спросил Ксандр.

Оскар аккуратно показал пальцем на противоположную сторону зала:

– Вот тот худой лысый в тёмно-красном камзоле, который изредка улыбается, старательно при этом не раскрывая рот.

Уже даже по одной манере держать себя было видно, что человек этот способен в случае чего зарезать или задушить, не задумываясь. Он всегда будто был наготове, что кто-то скажет ему что-то, за что можно будет тут же врезать в челюсть. И это-то при том, что они находились в «Кальмарском витязе». Всё же привычка есть привычка – на раз-два от неё не откажешься.

Стоило Ксандру подняться и двинуться в сторону наёмника, как тот несколько раз поглядел в его сторону. Расстояние было метров двадцать пять, кругом полно народу, и Ксандр мог идти к любому из столов, но наёмник заметил сразу, что идут к нему. Редкий дар, особенно присущий бывшим сидельцам, чувствующим намерения других издали и очень тонко, словно их кто-то предупреждает об этом заранее. Что ж, оно и понятно, что он улыбается, не раскрывая рот – не хочет показывать, что зубов осталось маловато, это ведь частая проблема бывших заключённых.

– Издалека добрались? – Ксандр присел на соседний стул, поставив на стол свою кружку с тёмным пивом. Рядом с наёмником стояли такая же кружка, только с элем, и тарелка, наполненная жареной картошкой и грибами по рецепту «Увидимся завтра». В них добавляли лёгкую примесь галлюциногенов, которые давали лёгкий визуальный эффект, лишь окрашивая всё окружающее в более яркие краски. Хотя мешать эти вещи с алкоголем всё же не рекомендовали.

– Ну так. Приличненько. – наёмник слегка улыбнулся, продолжая держать губы сжатыми.

– Зубы все на зоне оставили?

– Догадливый... У тебя дело ко мне какое? – улыбка сменилась на небольшую ухмылку. По всей видимости, наёмнику было по душе, что кто-то узнал в нём сидельца. А это значило, что сидеть где-то он привык и не считал это зря потерянным временем. Такие люди в тюрьмах умудряются зарабатывать иногда больше, чем на воле.

– Денежное... По душам поговорить для начала. А потом я тебе работёнку подкину... Ты ведь никогда не против срубить денёжат, так ведь?

– Так ведь... – наёмник снова слегка улыбнулся и отпил своего эля. – Чем платить будешь?

Ксандр достал из кошелька кнессель, серебряную монету Республики Кресси, и пододвинул её к собеседнику. Тот в свою очередь скорчил небольшую гримасу, потёр рукой подбородок и, разглядев хорошо золото, положил его себе в карман:

– Деловой... Это похвально. По душе мне такое... Выпьём?

Наёмник крепко взялся за свою кружку и протянул её Ксандру, на что тот утвердительно кивнул и поднёс свою кружку:

– Ксандр.

– Вильгот.

Они достаточно отхлебнули и почти одновременно поставили на стол свои кружки.

– Из Тайфы я. Потому и зубов нет. – сказал Вильгот.

– За что повязали там?

– В какой раз? В последний? Да за ерунду. А дали пятёрку... Сдавал я корешу комнату у себя. А тут как-то заходит ко мне его жена, да говорит, что он мол мне передал, что я урод и подонок. Вот просто так. Без подробностей. Ну я пошёл к нему, разобраться... Он там пьяный сидел. Ну так не сильно. И решил продолжить мне это... Ну я ему надавал. Так, чтоб хорошо ещё недельку помнил. Ну не сильно... А приколы-то ещё в том, что это друг мой бывший. Так бы я, может, и не принял всё это близко к сердцу, но вот от него... Ну лежит он, короче, уже почти без сил. Я ему предлагаю мировую выпить. У меня с собой чекушка медовухи была. Я думал перед тем выпить, как к нему зайду. Ну так, для настроения. Но тут наоборот получилось... Достаяю я чекушку, предлагаю мировую. Он согласился... Ну усадил его на стул, сажу рядом. Налил уже. Говорю – на, пей... А он мне – «я с педерастами не пью»... Ну я ему жопу порезал.

– Это как это порезал?

– Ну он сидел. Я рядом за столом. Ну я ему с боку ножом в жопу попал.

– О как. Крови, наверно, было...

– Да, крови как со свиньи...

– Ну а потом что?

– Ну потом я смотрю, плохо дело-то. Так с потери крови и подохнет. Я за врачом и послал... Там и остался, пока врач не придёт.

– И за это пятёрку? При том, что там остался.

– Ну да... Да это ещё не много. У меня ж уже были ходки на зону... Но у нас зона другая. Не как у вас тут...

– А ты и у нас сидел?

– Да, было такое... Тоже за драку. Уж почти двадцать лет прошло.

– То есть у нас тут полегче сидится? – Ксандр отхлебнул ещё немного пива, понимая, что его собеседник начинает расслабляться.

– Да. Даже не сравнить. В Кресси можно своё что-то иметь в камере. Книжки, безделушки. Ни один надзиратель не отнимет и даже комментировать не будет, что там у тебя. Лишь бы не запрещено было... Так, посмотрят только. Максимум, в руках покрутят, чтоб разглядеть поточней. И всё... А вот в Тайфе... – Вильгот немного посмеялся. – Вот в Тайфе там не то, что отнимут. Там ещё за одно под нары запинают. И от души ведь пинать будут. Пока не устанут. Там люди заботливые. Всё с душой делают.

– Да, я не в первый раз такое слышу про Тайфу... И что там? Всё с душой значит? А верят сейчас там во что? В то, что союз силён духом? А дух держится на древних рунах?

– Да-да, Ксандр. На рунах... Только вот руны тайфанские тоже. Это там только есть такие. Местные тайфанские руны. Здесь вот, или где балуются рунами как у всех. А там свои. Которые только для тайфанцев. И говорят, что никто другой ими пользоваться не может.

– И в чём там смысл?

– В этом я не силен... Я вообще как-то далёк от политики. Не моё это... Но только руны это не для людей. Это у всех руны используются, чтобы знать судьбу людей. Чтоб управлять

судьбой людей. Кто руны использует, тому и управление. Индивидуально, так сказать, очень... А вот в Тайфе руны управляют массами. И все молятся на эти руны, чтобы они массами управляли... Думают, что тогда всех хорошо будет. Земля-то общая. Для всех. Что надо всем землю свою питать, а тогда и каждому будет похвала. Причём козырно всё придумано. Что похвала, может, при жизни и не прийти. А только после смерти... Удобно, понимаешь, как всё. Грубо говоря, денег ты со всех возьмёшь, а вот услуги, кому хочешь только окажешь.

Ксандр слушал это и вспоминал рассказы некоторых соколовцев, которые по старой дружбе открывали некоторые подробности пленённых красногорцев. Поначалу соколовцы и понять не могли, почему так мало пленных у них получается, а вот как взяли несколько контуженных, да допросили их после приведения в чувство, так поняли, что они и сдаваться-то не хотят, не потому что смерти не боятся, а потому что иногда и желают её. Что жизнь-то у них настолько отвратительная, что улучшать её не хочется вовсе. Что проще мечтать о обетованном посмертном царстве, где уже всё будет. И ведь очень странно это смотрелось, в виду того, что эти красногорцы ещё совсем недавно были полноценными подданными Соколова Удара, где даже близко-то нет таких принципов. Кто-то стал утверждать, что все они шитики все, которых маги из Тайфы обработали. Да вот странно такое предполагать, что только одни шитики в плен попадают, когда это всё с точностью до наоборот должно быть. Раз уже так дело пошло, так наоборот шитики-то в плен и попадать не должны совсем, уж их сознание к такому точно не готово, уж им с промытыми мозгами вернее всего свою голову сложить и успокоиться. А потому не проходит такая версия. Проходит то, что там все такие оказываются. Все думают, как эти, что в плен попали... А это значит, что либо тайфанские маги вышли на какой-то новый уровень, либо соколовцы что-то не договаривали... Ксандр больше грешил тогда на самих соколовцев – мол не хочется им признавать, что не в состоянии у себя же дома полноценными хозяевами быть. Но вот с тем, что он сейчас услышал, выходило, что Тайфанский Союз за последние несколько лет стал совсем другой страной.

– Интересно как... – сказал Ксандр. – А сам ты на Тайфу при этом работал?

– Работал... – Вильгот улыбнулся. – Ещё один кнессель за подробности.

Ксандр без вопросов подвинул ему монету, которую Вильгот моментом убрал в карман.

– В обмен на тюремный срок мне предложили добровольцем пойти за Красную Гору.

– От оно как. Тайфа туда своих отправляла. Воевать? Или ещё зачем?

– Воевать... Причем так, чтоб Красная Гора не проиграла... Прямо видно было, что как дело плохо у них заходит, так больше поддержки дают. Сами бы красногорцы поди не справились бы. Энтузиазма особо не было... Там, где я был, там две армии стояло, больше десяти тысяч каждая. А вот красногорцев там почти не было. Десятая часть от силы. Остальные все из Тайфы... И команда была главная – живыми в плен не попадаться. Хочешь беги до своих, хочешь помирай. Это уж твоё дело. А вот если живым сдашься, то пиши пропало. Обратной дороги нет... Ну я и выбрал бежать. Именно, что до своих, а не до тайфанцев обратно... Из этого адища.

– А что полез туда, раз адище такое? Может, стоило тогда в тюрьме посидеть?

– Да а кто ж его знал, что оно такое там... Там совсем другое говорят перед отправкой. Да и кругом никто не говорит. А с соколовцами такие бои были, про которые никто и не рассказывает... Все говорят кругом, что они там не шевелились. А там на деле такое «не шевелились», что еле ноги унесёшь. Не шевелились бы они, и всё это под Тайфой было бы давно.

Выходит Тайфанский Союз там не то что при делах, а вполне может только он за всем этим и стоять. И интересно ещё при этом, а чего тогда соколовцы скрывали-то это? Им же помощь нужна была всюю, раз такое дело. Почему делали вид, что всё не так критично? Просто, потому что считали, что так им вернее оружие продадут? А всё равно ведь не продали. Ни требующе, ни мангонели, ни драконью смесь. Одни топоры да доспехи из варёной кожи. Или там внутри у них свои проблемы есть в верхах?

Ксандр заметил, как стало меняться сначала его настроение, затем краски у вещей, которые он видит. Всё становилось каким-то тусклым, бесцветным. На окружающие предметы не хотелось смотреть – они все были сделаны словно из бедственной паутины, которая обволакивает всё вокруг. И его самого тоже. Не давая мыслить широко и не позволяя себе рассчитывать что-то, что выходит за его пределы.

– Что? Депрессиво всё стало кругом, да? – спросил Вильгот, видя как Ксандр несколько раз с интересом посмотрел по сторонам. А он всем своим видом старался не выдавать, что у него-то что-то изменилось. Порчу что ли навёл? Ксандр уставился на наёмника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.